

силы, но при этом, однако, можно говорить, о поисках путей к синтетическому знанию о человеке, знанию, избегающему искусственного расчленения человеческой природы и «расфасовки» её частей по принудительно отгороженным друг от друга исследовательским дискурсам. И хотя до построения новой синтетической теории человека ещё далеко, опыт таких поисков, в любом случае, небесполезен.

А.А. Пелипенко

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ИМПЛИКАТИВНЫМ И ЭМПИРИЧЕСКИМ МИРАМИ

***Аннотация:** Задача статьи – обозначить смыслогенетическую трактовку системного понимания макропроцессов культуры в контексте ее сопряжения с миром, трансцендентным человеческому опыту. Предлагается парадигма не религиозной и не мистической интерпретации комплекса представлений об «ином» мире, а также концепция психосферы и медиативной сущности культуры и человеческой ментальности.*

***Abstract:** The aim of the article is to define the meaning-genetic interpretation of the systemic understanding of macro-processes of culture in the context of its conjugation with the world, as transcendent to human experience. The proposed paradigm is neither religious nor mystical in its interpretation of the representations of the “other” world. The concept of psycho-sphere and the mediative essence of culture and human mentality are also considered in the article.*

***Ключевые слова:** психосфера, имплицативный мир, медиация, интенциональность, когерентность, каузальность.*

***Keywords:** psycho-sphere, implicate order, mediation, intentionality, coherence, causality.*

Соглашаясь с дискурсивными правилами механистического рационализма, науки о человеке обрекают себя на парадигматическую непол-

Пелипенко Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

ноту, чтобы не сказать ущербность. Механистическая картина мира с упорством, достойным лучшего применения, игнорирует колоссальную сферу реальности, имеющую самое прямое отношение к самоопределению человека в мире, к его идентичности, к сфере его экзистенциальных проблем, не говоря уже о формах и способах адаптации к культурным средам. Речь идет об области, в широком смысле соотносимой со сферой трансцендентного, которая в донаучном сознании понималась как мир запредельный, тонкий, иной, потусторонний, параллельный и т.п. Механистический рационализм определял его несостоятельным термином «сверхъестественное»¹.

Такое положение дел, разумеется, многих не устраивает, но авторы, пытающиеся объяснить природу запредельного мира и ввести его образ в научную картину мира, как правило, апеллируют к мистико-религиозным учениям прошлого или к иным традициям, отвергаемым академической наукой. В результате каждая из сторон остается при своем и диалога не получается. Поэтому в стремлении подойти к проблеме запредельного и его значения для человека и культуры, я буду обращаться лишь к тем областям знания, которые не могут быть, при всем желании, проигнорированы рационалистической наукой. Это квантовая механика и трансперсональная психология.

Исходя из этого, я буду использовать для обозначения запредельного мира термин Д. Бома «импликативный мир» (мир свернутого порядка), экспликатом которого является мир эмпирический, или, по Д. Бому, — экспликативный. При этом смысловыми коррелятами термина «импликативный» выступают такие определения, как «квантовый», «когерентный» «нелокальный» и др.

У меня нет возможности в рамках данной статьи специально разьяснять картину мира, складывающуюся в современной квантовой механике и космологии. Заинтересованный читатель может обратиться к соответствующей литературе. Тем более, что никакой единой «классической» теории в этой области знания нет и не предвидится. Несомненно лишь то, что построенная рационалистической наукой механистическая картина мира полностью разрушена и опровергнута, что, впрочем, не может служить оправданием множества паранаучных и просто шарлатанских спекуляций вокруг квантовых и парапсихологических «чудес».

Итак, важнейший, по моему мнению, вопрос — это вопрос о «буферной» зоне, в которой осуществляются процессы сворачивания и разво-

¹ Несостоятельность этого термина блестяще показана Е.А. Торчиновым. *Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного.* СПб., 2007.

рачивания актов существования. (На языке квантовой механики это также может быть связано с процессами декогеренции и рекогеренции чистых квантовых суперпозиций). Для обозначения этой буферной зоны я с необходимостью ввожу понятие ПСИХОСФЕРЫ. Ощущение эвристичности этого термина носится в воздухе, но его употребление на сегодняшний день весьма произвольно и контекстуально², и потому стремление придать ему статус научного термина представляется вполне обоснованным.

Если прямо задать вопрос: ЧТО такое психосфера, то ответить на него столь же прямо и кратко не удастся. Дело в том, что феномен психосферы восходит к столь глубинным и фундаментальным для человека уровням реальности, что любые ее определения оказываются неполными и фрагментарными. С учетом некоторых ее характеристик можно сказать, что психосфера – это и образ некоего пространства, и области проявления особого рода явлений, и даже, в нестрогом смысле, поля. Под другим углом зрения, психосфера – канал связи, устройство фильтрации и преобразования кросс-системных ритмов, сигналов, импульсов Вселенной в воспринимаемые человеком формы. Или, иными словами, мембрана, преобразующий контур, конвертирующий интенциональные импульсы как эмпирического, так и имплицитивного миров на «водоразделе»: психика – сознание.

В большинстве наблюдаемых человеком проявлений психосфера выступает связующим звеном между биосистемой и Культурой и, будучи причастной к ним обеим, обеспечивает эпигенетическую преемственность макроэволюционного процесса. «Человеческий» локус психосферы возникает для-культуры и исключительно благодаря появлению человеческого сознания. Именно оно способно воздействовать на особый спектр квантовых процессов и осуществлять тем самым продуктивную медиацию между имплицитивным и эмпирическим мирами.

Человек и Культура самоопределяются и коэволюционируют в процессе медиации имплицитивного и эмпирического миров через взаимопричастность к психосфере. Но психосфера существует не сама по

² Так, в русле попыток системной иерархизации всех паранормальных явлений говорят о трёхстепенной психосфере, погружение в которую достигается с помощью особых психотехник. См., например: Meck G. W. *Healing and the Healing Process*. Madras. 1977 и др. В оккультных, паранаучных и т.н. эзотерических сочинениях понятие психосферы встречается нередко и трактуется весьма широко и расплывчато. При этом наблюдается тенденция к проникновению этого понятия и в собственно научный обиход. Так, в частности, психосфера трактуется как «неразрывное единство психики совокупного человечества и окружающей энергоинформационной среды в их постоянном взаимопроникновении, взаимодействии и развитии» (А.Ю. Арапов и А.Г. Ли.)

себе, как изначально пустое и чем-либо затем наполняемое пространство. Она структурируется и обретает себя за счет разворачивания ментальных и культурных практик человека. При этом вопрос о первичности и вторичности неуместен: было бы странно, если бы здесь работали простые причинно-следственные зависимости. Иными словами, та модальность психосферы, которая способна восприниматься человеком, вызывается к актуальному бытию только посредством человеческой же ментальной активности. В этом — один из аспектов участия человеческого сознания, или, точнее, ментальности в формировании окружающего мира.

Психосфера не имеет и не может иметь ясно очерченных границ. Психизм как проявление интенциональных воздействий присущ (и это не мистика!) всем структурам Вселенной, включая неорганические образования, живые организмы и отдельные группы клеток. Проявления психизма наблюдают также и в «поведении» групп атомов и квантовых объектов, что иногда спешат объявить проявлениями субъектности. Все это тоже имеет отношение к психосфере, хотя с человеческой позиции может показаться лишь ее преддверием; ведь только в человеческом мире, мире культуры достигается та степень автономности и отпадения структур от всеобщей связи, которая требует качественно иного уровня и характера медиации. Эволюционная перестройка природного психизма на такую медиацию и порождает психосферу в ее собственно человеческом измерении и в границах, охватываемых человеческим восприятием. Психосферные явления — это прежде всего проявления не дискретных феноменов, а стоящих за ними интенций, ибо интенциональность — ключ к пониманию не только межсистемной, но и полимодальной связи всего сущего. Под последней понимается весь спектр медиационных связей и отношений между имплицитивным миром (ИМ) и миром актуализованного (эмпирического) и потому «распластанного» в пространственно-временном континууме бытия.

Для построения гипотезы психосферы необходимо иметь смелость отказаться от изначального согласования ее базовых предпосылок с имеющимися научными парадигмами (хочется сказать, предрассудками) и принять за основу сумму ее прямых и косвенных проявлений, которые общепринятые научные теории не объясняют. Причем, проявления эти не относятся исключительно к сфере психического в узком его понимании. Они имеют отношение ко всем аспектам человеческого бытия. Психика — лишь принимающее и перерабатывающее (кодирующее и декодирующее) устройство, «чувствилище», способное в том или ином диапазоне воспринимать, переживать и фиксировать проявления психосфе-

ры³, хотя активность психики, разумеется, к этому не сводится. Поэтому проявления эти рассматриваются здесь, прежде всего, не в психическом или психологическом аспекте, а в измерении теоретико-культурном.

Что же понимается под психосферными явлениями, и какое они имеют теоретико-культурное значение? Когда речь заходит о магических, мифологических, религиозно-символических и подобных сферах, разговор, как правило, сводится к обсуждению «представлений» и уходит от сакраментального вопроса об их онтологических основаниях. При этом сами эти «представления» чаще всего рассматриваются как нечто надстроечное, необязательное, добавленное к «базовым стратегиям жизнеобеспечения», которые в своей рационально-утилитарно-социально-технологической самодостаточности высятся над всяческими «фантастическими измышлениями о сверхъестественном». И даже авторы специальных работ по этнографии, религиоведению и фольклористике, как правило, склонны «объяснять» этот колоссальный по своему объему и значению класс явлений иррационализмом вненаучных форм сознания, слепой верой, вымыслом и т.п., отдавая его на откуп мистике и паранауке. И хотя во «внерациональных» сферах теперь не видят на манер XIX в. лишь необязательный «духовно-мистический придаток» цивилизации, но роль и значение их в общекультурном контексте остаются непроясненными и потому недооцененными. Так будет продолжаться до тех пор, пока речь будет идти о «представлениях», а не о реалиях. Целый ряд важнейших для наук о культуре вопросов: внесемиотические формы и каналы трансляции культурно-исторического опыта, режимы саморегуляции ментальных и социокультурных систем, причины «эпидемий идей» и прямого (внезакового) их распространения, проблема пресловутого биополя⁴, природа так называемых паранормальных явлений и многое другое требует пусть гипотетической, но ясно сформулированной теоретической позиции.

Обратимся к комплексу проявлений межсистемной медиации, для прояснения природы которой вводится концепт психосферы. В него включается:

³ О человеческом мозге как о принимающем устройстве см.: Pribram K. "The Holographic Hypothesis of Brain Functioning" // S. Grof (ed). *Ancient Wisdom Science*. State University of New York Press, 1984. P. 178; Pribram K. *Behaviorism, Phenomenology and Holism* // *The Metaphors of Consciousness* / P.S. Valle, R. von Eckartsberg (eds). Plenum Press. 1981. P. 148.

⁴ Это донельзя затрёпанное слово стало едва ли не символом паранауки. Однако разработки в области клеточного поля и общих принципов формообразования в живой системе А. Гурвича, отношение к которым в академической среде остаётся скептическим, тем не менее, используются достаточно широко. См., например, работы Дж. Хаксли, Г. де Бира, Ч. Чайлда, Н.К. Кольцова и др.

- *экстрасенсорная перцепция (ЭСП)* (феномены восприятия);
- *психокенез* (феномены дистанционного физического воздействия);
- феномен *психофизического дуализма* – субстанциональная несводимость любого отдельно взятого феномена к его эмпирической «оболочке».

Рассмотрим подробно составляющие комплекса межсистемной медиации. Сразу отметим, что наиболее значимым проявлением психофизического дуализма в Культуре (разумеется, с определенного исторического времени) выступает проблема души.

ЭСП включает в себя следующие проявления:

- *ясновидение* – перцепция удаленных объектов или явлений без участия каналов обычного чувственного восприятия;

- *телепатия* – считывание мыслей (мыслеформ) и психических образов без участия сенсорных каналов;

- *эффект прямого знания* – универсально распространенный в культуре феномен непосредственной внезаковой перцепции, проявляемой также и на нелокальном уровне, т.е. в отношении объектов, недоступных эмпирическому восприятию;

- *невербальная суггестия* – в терминах экологической этологии – невербальный гипноз⁵;

- *индуцируемые состояния* и «эпидемии идей» – феномен бессознательной массовой или групповой (не говоря уже об индивидуальной) вовлеченности в поле психических воздействий определенного характера (как частный случай – идей определенного содержания) и сверхзависимости от последних вопреки любым рациональным противодействиям в виде осознания своих убеждений, интересов и т.п. («эпидемии идей» с их наиболее яркими воплощениями в виде массовых психозов были бы не более чем частным проявлением психосферы, если бы при чуть более пристальном взгляде не становилось очевидно, что глубинная экзистенциальная зависимость человека от тех или иных смысловых комплексов является его универсальной культурно-антропологической и метаисторической характеристикой; со своей стороны, и психиатрия признает, что склонность к индукции – неустранимое антропологическое свойство человека);

- *эйдетизм* – особый режим перцепции, переживания и воспроизведения информации, основанный на «атавистическом» правополушарном «схватывании гештальтов» с предметно-галлюцинаторной остротой и точностью. В этот, обладающий глубоким внутренним родством ком-

⁵ Krebs J.R. Davies N. B. *Behavioral Ecology: An Evolutionary Approach*. Oxford, 1986.

плекс феноменов включаются также и различного рода внетелесные переживания, медиумизм, реинкарнационные перцепции⁶ и разнообразные комбинации и разновидности всех вышеперечисленных проявлений;

– *прекогниция* – предвидение (предсказание) будущего, главным образом, в режимах ИСС: снах, трансовых состояниях и иных формах визионерского опыта;

– *ретрокогниция* – перцепция событий прошлого, недоступных по каналом обычного знания. Как и прекогниция, посткогниция выступает частным проявлением более широкого феномена – эффекта прямого знания.

Психокинез (телекинез, психоэнергетика) – воздействие сознания (хотя и в не меньшей степени, бессознательной сферы человека) на физическую, биологическую или физиологическую систему. Здесь важно отметить, что явным образом выбивающиеся из обыденных представлений о психических возможностях человека проявления психокинеза – это не более чем видимая и притом ничтожно малая часть континуума взаимодействий, осуществляемым по каналам психосферной медиации. Сферой проявления психокенеза⁷ выступают, прежде всего, магические практики, широко и разнообразно представленные во всех без исключения культурных системах. Кроме того, в наши дни описываются и исследуются психокинетические эффекты, не имеющие отношения к магическим традициям.

За пределами сферы психического, в его общепринятом и узком понимании (впрочем, общепринятых представлений о психике тоже не существует), лежит и возникновение в ментальном и культурном пространстве своеобразных «узлов притяжения» – дискретных агентов незримых когерентных связей, которые выделяются и «просвечивают» в эмпирическом мире за счет более высокой вероятности осуществления в нем (здесь напрашивается некоторая аналогия с синергетическим понятием

⁶ Помимо известных ЛСД-сеансов С. Грофа здесь можно отметить т.н. эффект Хупкоса, состоящий в психической актуализации следов прежних рождений в состоянии медитативного транса. См. Nupkas P. *I Have Many Lives*. Oxford, 1979.

⁷ Среди отечественных публикаций на эту тему внимания заслуживают: Дульнев Г.Н. Регистрация явлений психокинеза (телекинеза): оптические, электрические и акустические методы // *Сознание и физическая реальность*. 1998. Т. 3. № 1. С. 58–67; Дульнев Г.Н. Регистрация явлений психокинеза (телекинеза) // *Сознание и физическая реальность*. 1998. Т. 3. № 3. С. 49–57; Дульнев Г.Н. Регистрация явлений телепатии // *Сознание и физическая реальность*. 1998. Т. 3. № 4. С. 71–76; Любимов И.Н., Силин А.А., Гордеев С.А. Экспериментальное обнаружение экстрасенсорного (телепатического) сигнала // *Сознание и физическая реальность*. 2001. Т. 6. № 1. С. 62–64; Аблеев С.Р. Практические исследования психической энергии и энергетических центров человека: некоторые результаты программы «Сириус» // *Сознание и физическая реальность*. 2001. Т. 6. № 2. С. 51–61 и нек. др.

аттрактора, которая, впрочем, не является обязательной. Вообще, ниже-следующая модель представляет собой не столько полемическую альтернативу синергетике, сколько взгляд на самоорганизационные процессы в несколько ином ракурсе).

Итак, чтобы рассмотреть означенные явления в рамках единой гипотезы, необходимо представить себе механизм (плохо подходящее слово!) медиации между имплицативным и эмпирическим мирами, проявляющими себя через явления психосферы.

Говоря о психосфере и ее проявлениях, с неизбежностью приходится высказывать соображения о природе и сущности ИМ. Разрозненными суждениями здесь не обойтись даже для пояснения модели разворачивания-сворачивания актов существования из ИМ вообще и под действием интенциональных импульсов человеческой ментальности, в частности. И хотя попытка увидеть невидимое и описать неопишемое непременно вызовет критическую усмешку, общий эскиз картины ИМ все же необходим.

В книге *Wholeness and the Implicate Order* («Целостность и скрытый порядок»), не переведенной пока на русский язык, Д. Бом объясняет свое понимание имплицативного порядка. В главе «Эксперимент с языком и мышлением» он называет скрытый, или свернутый, порядок *голодвижением*, подчеркивая его динамическую и голографическую природу. Динамическая голограмма, по Бому, рождается из интерференций волновых функций (или самих волн?) квантовых объектов, имеющих пространственное измерение (?). Явный же или развернутый порядок эмпирического мира Бом сравнивает с объемным голографическим изображением, возникающим при освещении физической голограммы когерентным светом (например, лазером). При этом источник этого всепроникающего «метафизического» света остается непроявленным. Навязчиво-незатейливое мистико-идеалистическое «объяснение» природы этого света через полулирическое «творческое сознание человека» несостоятельно. Хотя и возражений против такого понимания Бом, как и К. Прибрам, не выдвигал.

Приступая к нелегкой задаче прояснения природы ИМ, прежде всего поясню соотношение понятий ИМ и психосферы. Они не тождественны. Психосфера – своего рода буферная зона, в которой распаковываемые паттерны ИМ обретают эмпирически проявленные формы, т.е. та «территория», на которой это распаковывание и происходит. Иными словами, психосфера, как уже говорилось, – это третий, промежуточный мир, расположенный между имплицативным и эмпирическим мирами, причастный им обоим и, таким образом, осуществляющий связь между ними.

Заглянуть в ИМ, минуя психосферу, невозможно в принципе. Но, преломляясь в психосфере, этот мир, присутствует в каждой клеточке бытия и попадает в область психической рецепции в виде смутных, фрагментарных, большей частью неотрефлексированных ощущений. До сознания же эти ощущения доходят в неизменно опосредованном культурной семантикой виде. Потому и догадки о природе ИМ не могут простираются дальше столь же смутных и фрагментарных гипотез. Но и они способны немало прояснить в жизни человека и в сути культурных систем.

Отправной точкой станет проблема интенциональности, которая оказывается тесно связанной с природой любого психосферного явления. Здесь возникает повод обратиться к квантовой концепции В. Гейзенберга и В.А. Фока⁸, принятой целым рядом авторитетных ученых. Согласно этой точке зрения, глубинным уровнем, определяющим субстанциональность квантовых явлений, выступает мир потенциалей⁹ и устремлений к осуществлению, тогда как мир эмпирический оказывается лишь онтологически подчиненной и в известном смысле вторичной проекцией-экспликацией потенциального (свернутого) порядка. К тому же следует учитывать, что эксплицируются не все возможные потенциалы бытия, но лишь единичные, «избранные», ибо процесс декогеренции (редукции волнового пакета) сворачивает, «схлопывает» потенциальную бесконечность вариантов локализации до одного, который, «прорываясь» в эмпирический мир, разворачивает в нем свое наличное бытие.

Исходя из означенной концепции, которая вполне согласуется также и с моделью Бома—Прибрама, я хотел бы не столько акцентировать иерархические отношения между потенциальным и актуальным мирами, на что наталкивают устойчивые рефлексии нуминозного (в понимании Р. Отто — К.-Г.Юнга) отношения к запредельному, сколько утвердить ключевой тезис о применимости теоретических выводов данной концепции и к микромиру, и ко всякой реальности вообще. Это допущение может показаться необоснованным. Однако оно может быть подкреплено не одним лишь абстрактным заверением относительно единства законов мироздания. Вполне валидны и представления о последовательном «разбавлении» когерентного начала каузальностью по мере перевода чисто квантовых (когерентных) состояний в смешанные, которое нарастает вследствие дискретизации, дифференциации и автономизации структур и систем. Вселенной. Иными словами, увеличение сепарабельности (в

⁸ Фок В.А. Квантовая физика и строение материи. Л., 1965.

⁹ По В. Гейзенбергу, заимствовавшему термин *потенция* у Аристотеля, квантовый объект в промежулке между наблюдениями существует в трансцендентной сфере, т.е. чисто потенциально.

квантовом понимании) систем во Вселенной раздвигает ее пространственно-временной континуум, усиливая позиции каузального начала.

Итак, мир потенциальный, мир «тотальной когеренции» — это мир «нераспакованный», лишенный пространственно-временных координат. Мир каузальный — это мир «распакованных» в пространственно-временном континууме актов существования, ибо каузальность возможна лишь в среде пространственно-временных отношений. Направленная энергичность — универсальная форма медиации между мирами; интенциональная устремленность и движения интенциональных волн — это не что иное, как связующие нити, протянутые по «дистанции» между потенциальным и актуальным бытием. Интенциональные потоки, которые проще всего рисуются в виде нитей, скорее, подобны сплошному полю (ведь между интенциональными потоками нет никаких пустот и «зазоров») или даже интерференции полей. Характеристики этого сложно-диффузного, если так можно выразиться, интенционального поля и определяют не только саму онтологию эмпирических феноменов, но и, что особенно важно, степень вероятности их воплощения.

В этом смысле и идеация (в гуссерлианском понимании — как способность к формированию и восприятию идей в силу направленности сознания на «всеобщее», «априорное», «эйдос», «сущность») — частное проявление всепроникающей и безграничной интенциональности, связывающей все сущее во Вселенной. Осознавая спекулятивность данного утверждения, обязуюсь впредь как можно реже выходить за рамки означенного «частного случая», хотя делать это по разным поводам придется. Но и в этих границах простирается необъятный космос, реальность которого проступает в нашем мире лишь в виде смутных контуров. И знаменитые синхронизмы по Юнгу — это всего лишь слабые отблески бесчисленного множества незримых процессов, протекающих за гранью привычных координат восприятия; немногим более существенные, чем бытовой эффект *djja vi* — стихийно вспыхивающие в сознании акты преили ретрокогниции, т.е. частные случаи эффекта прямого знания.

Что же касается прекогниции и ретрокогниции, равно как и феномена прямого знания вообще в форме различных проявлений ЭСП, то здесь речь может идти о непосредственном считывании сознанием (хотя подсознание играет здесь не меньшую, если не большую роль) особых психосферных образований — *психических (информационных) матриц*¹⁰. Эти

¹⁰ Феномен прекогниции доказан, в частности, опытами Г. Шмидта в 1970-х гг. *Schmid H. // New Scientist*. 50. 1971. P. 757; *Schmidt H. // J. of Am. Soc. for Psych. Res.* 69. 1975. P.301; 70. 1976. P. 267; 8. 1978. P. 463; *Schmidt H. // J. of Parapsychol.* 48. 1981. P.87 и др. публикации этого автора.

матрицы – суть полупроявленные в эмпирическом мире проекции паттернов ИМ. В эмпирическом мире они могут соотноситься с событиями, относящимися к прошлому или к будущему. Но по своим интенциональным основаниям в ИМ они не принадлежат временным зависимостям.

На квантовом уровне это объясняется так называемой теорией прямого взаимодействия частиц или теории дальнего действия¹¹. Сущность объяснения здесь заключается в достаточно обоснованной гипотезе о формальном равноправии опережающих и запаздывающих решений волнового уравнения, что означает возможность существования обратного временного потока: от будущего к прошлому¹². Такое видение согласуется и с некоторыми современными космологическими теориями, в соответствии с которыми Вселенная по достижению некоего состояния начнет «схлопываться», двигаясь во времени в обратном направлении.

Ответ на вопрос, почему, несмотря на формальную симметрию «прямого» и «обратного» временных потоков, в реальности наблюдается только запаздывающая компонента, был дан Уиллером и Фейнманом. В их модели ускоряющийся заряд порождает как опережающие, так и запаздывающие волны. Окружающие частицы также приходят в движение и излучают поля с аналогичной структурой. Или, иными словами, генерируют гомоморфные интенциональные потоки и интерференционные полевые узлы. Исходная и вторичная волны интерферируют, и результат интерференции задается спецификой того, в какой мере данный тип излучения (интенции) взаимодействует с окружением, в качестве которого выступает все вещество Вселенной (не слишком ли смело?). И хотя согласно «нормальной» логике для всех четырех типов взаимодействия должна наблюдаться только запаздывающая волна, для излучений с принципиально иным механизмом взаимодействия с веществом, вполне допустима и опережающая компонента.

Это значит, что если модель Уиллера-Фейнмана верна хотя бы в этих своих положениях, мы получаем еще одну версию картины мира, где все уже произошло и на некоем глубинном уровне различия между прошлым и будущим не существует.

Итак, интенциональность понимается как «реликтовая» сила притяжения между агентами когерентной связи, «помнящая» о холономной

¹¹ *Tetrode H.* // *Zeit. Fur Phys. Munchen.* 1992. P. 317; *Cramer J.G.* // *Rev. Mod. Phys.* 1986. №3/ P. 647; *Wheeler J.A., Feymann R.P.* // *Rev. Mod. Phys.* 1945. №1. P. 157; *Davies P.C. W.* *Physics of Time Asymmetry.* Berkley and Los Angeles. 1977.

¹² Факт влияния более позднего во времени действия на более раннее в квантовых процессах подтверждено экспериментально. См., например: *Jennewein T., Weihs G., Pan J.-W. and Zeilinger A.* *Phys. Rev. Lett.* 88, 017903. 2002.

между ними слитности в атемпоральном мире и стремящаяся актуализовать эту связь вновь. «Вновь» — значит, в мире, где существуют темпоральные различия, т.е. холономная нелокальная связь оказывается спроецированной, «растянутой» в дискретно-линейные цепи каузальных зависимостей и процессуальных длительностей. При разворачивании свернутого порядка актуальность холономной связи обращается в потенциальность, а потенциальность наличного, эмпирического бытия — наоборот, преобразуется в актуальное существование. Иными словами, процесс разворачивания имплицитивного порядка выражается, в частности, в том, что внутреннее разделение, растождествление (если так можно выразиться) холономных «объектов» порождает время, которое, «вклиниваясь» между агентами связи, создает темпорально-последовательную процессуальность как всеобщую возможность эмпирического (развернутого) бытия

Интенциональность — продукт противоборства каузального и когерентного начал, ситуационно-динамический паллиатив между ними. С одной стороны, «направленность на...» априорно имплицитирует некое когерентное со-осуществление, но, с другой — разводит компоненты когерентной связи по разные концы временного отрезка и тем самым вносит в со-осуществление момент изначальной, внутренней, незримой, имплицитной причинно-следственной обусловленности. А это, в свою очередь, открывает возможность замещения или изменения агентов когерентности. Можно предположить, что этот механизм действует не только на квантовом уровне, делая систему сепарабельной, но и распространяется на всю прогрессию структурообразования от микро- до макроуровней.

Таким образом, исходное «ядро» когерентной связки, его изначальная диспозиция расслаивается на нелинейное множество вариантов осуществления, где, переводя на уплощенный язык «бытовой эпистемологии», содержание когерентной компоненты связывается с ответом на вопрос что?, а каузальной — как? Впрочем, отделение этих вопросов друг от друга — сильная уступка аналитической привычке: в каждом акте бытия они нераздельны и диффузно слитны. Можно сказать, что изначальный пакет/паттерн по мере своего интенционально обусловленного «продвижения» к осуществлению и встраивания в контекст конкретных обстоятельств эмпирического мира расслаивается на множество вариантов своего воплощения. И расслоение это, перестав быть чистой потенциальностью, принадлежит пространству психосферы. Эти варианты осуществления, не будучи еще опредмечены, уже существуют как психосферное явление и с той или иной мерой адекватности могут быть восприняты человеком.

Не следует, однако, представлять интенциональные потоки в виде ниточек, механически связывающих инертные дискретные элементы. Сами эти элементы – суть сгустки интенциональных энергий, «притор-моженные» интерференционным эффектом и угодившие вследствие этого в каузально-темпоральные ловушки (квантовая механика пользуется здесь образом квантовых вихрей). Впрочем, лишь благодаря этим ловушкам и открывается возможность образования каких-либо устойчивых во времени структур. Поэтому интенциональность действует не между элементами структур, а через и сквозь них. Ни один из элементов какой-либо структуры не существует сам по себе, вне многоуровневой системы интенциональных волн, пульсаций и резонирования, ибо он есть не более чем относительно устойчивый во времени фокус этих самых интенций. Онтологическое его отличие от «свободно» существующей интенциональной волны состоит в том, что он, будучи связанной, т.е. воплощенной формой пучка интенций, приобретает свойство относительно самостоятельного агента когерентных отношений. Он предстает таким узелком сущего, за который «цепляются» всепроникающие энергетические потоки, меняют в связи с этим энергийные характеристики своей интенциональности и как следствие этого – ее направленность. Поэтому, чем сложнее структура, тем более вариативен разброс между возможностями осуществления внутренних взаимодействий образующих ее элементов. Соответственно, возрастает и количество вариантов потенциальных взаимодействий между структурой и внешней средой. Вопрос о том, каким образом поле превращается в структуру, относится к числу наиболее сокровенных тайн Вселенной, и останавливаться на нем подробно сейчас нет возможности.

Надеюсь, мне удалось убедить читателя, что обращение к согласованию современных квантовых и нейрофизиологических теорий не служит обоснованию примитивного панпсихизма натурфилософского толка, а ВЭС – не полулитературная метафора. Впрочем, нельзя упускать из виду, что для человеческого сознания, которое само является продуктом разворачивания «скрытого порядка», исходная, «чистая» холономность имплицитного мира эмпирически непостижима в принципе. Однако природа «свернутого порядка» (не обязательно в строго бомовском его понимании) по отношению к разворачивающимся во времени и пространстве феноменологическим модусам и обнаруживается в явлении ВЭС, когда сознанию приоткрывается имманентность всего всему, взаимоприсутствие всего во всем и тотальная холистичность универсума. В этой формулировке читатель, несомненно, узнает набившие оскомину сентенции в духе бульварной мистики и полурелигиозных-полунаукообразных «от-

кровений», преподносимых обывателю от имени эзотерических учений Востока и различного рода мудрецов в кавычках и даже без них и т.п. Отмежеваться от всего этого одной фразой не удастся. Однако, не пускаясь в долгие объяснения, оговорюсь, что формулу «все во всем» в любом случае не следует понимать слишком буквально.

Речь не идет о какой-либо актуальной форме присутствия (представленности) дискретных вещей друг в друге во всей полноте их единичных и конечных эмпирических свойств. Имеется в виду лишь их глубинное сродство на уровне всеобщей пронизанности неразрывными и всепроникающими интенциональными потоками и излучениями и вовлеченность во всеохватные ритмические пульсации. К тому же, согласно квантовой механике, когерентные суперпозиции никуда не исчезают и после актов декогеренции и перехода в локальные состояния. Потому-то все конечное и единичное, частное и особенное и представляется из этих глубин не более чем пеной на поверхности сущего. В этой связи идеи бутстрапа (от англ. bootstrap – сапожная петля) Дж. Чу об отсутствии в мире чего либо онтологически определенного, фундаментального, субстанциального уже не кажутся столь отвлеченными.

Но может ли абстрактная всеобщая связь очевидным образом себя проявить за пределами квантовых процессов? Обнаруживает ли она себя непосредственно? И если обнаруживает, то как и в какой степени? Ответы на эти сложнейшие вопросы коренятся в устройстве ИМ, говорить о котором необычайно трудно, но необходимо. В отличие от обыденно-механистического представления о структурности, где каждый элемент понимается как нечто дискретное, равное самому себе и локализованное во времени и пространстве, «структурность» свернутого порядка устроена принципиально иначе. Здесь любой условно выделяемый дискретный «элемент», будучи по своей природе нелокальным, включен не в одну какую-либо «состоявшуюся» структуру, а в бесчисленное множество потенциальных структурных связей, взаимодействий и со-осуществлений.

Обратимся к вопросу о природе репрезентируемого в психосфере ИМ и его, условно говоря, структурности. Условно – потому, что никаких локальных структур, наподобие тех, что мы наблюдаем в эмпирическом мире, там нет и быть не может. В мире свернутого порядка нет ни структур, ни даже дискретных и устойчивых во времени и пространстве составляющих элементов, а есть лишь *пакеты возможностей их актуализации*. Каждая из условных единиц анализа этих пакетов, которой наше дискретно мыслящее сознание приписывает соответственно дискретные и локальные свойства, потенциально присутствует, как уже говорилось, не в одной, а в бесчисленном множестве потенциальных структурных

образований. Поэтому, рассуждая в нашей привычной системе смысловых координат, можно говорить разве что о парадоксальным образом «отсутствующей структуре» (совпадение с названием работы У. Эко чисто случайное).

Отсутствие в ИМ привычной для нас пространственно-временной структурности не означает, что мир этот пребывает в абсолютно гомогенном и недифференцированном состоянии, ибо холономность не есть простая нераздельная однородность. Понимая это, Бом отмечает: «Каждое действие начинается из намерения в имплицативном порядке. Воображение – это уже создание формы; оно уже обладает намерением и зародышем всех необходимых последующих воплощений. То есть творение берет начало из *наиболее тонких* (курсив мой – А.П.) слоев имплицативного порядка, проходит сквозь них до тех пор, пока не воплотится в эксплицативном порядке»¹³. Это первичное бытие-в-возможности я называл выше нулевым уровнем бытия.

К сожалению, обрывочные идеи о внутреннем устройстве мира имплицативного порядка и о его взаимоотношениях с миром порядка развернутого не получили достаточного развития ни у Боба, ни у кого-либо из его последователей или авторов релевантных квантовых теорий. Зато они вдохновили множество авторов на несерьезные, безответственные и не имеющие отношения к науке фантазии о сотворении вещей и целых миров силой воображения, о физическом воплощении произвольных фантазий и т.д. и т.п.

В связи с тем, что ИМ, очевидно, не представляет собой чистую и однородную потенциальность, простая дихотомия потенциальное – актуальное оказывается явно недостаточной для описания взаимоотношений между мирами свернутого и развернутого порядков. Между чистой, абстрактной потенциальностью и воплощенным бытием в эмпирическом мире простирается шкала состояний, соответствующих различным уровням возможности осуществления. Гетерогенность психосферы и есть отражение этой шкалы.

Здесь можно вспомнить и «экзотическую» гипотезу Дж. Уиллера, восходящую еще к Х. Эверету, согласно которой Вселенная перманентно расщепляется на бесконечное число копий. В этом случае доступная восприятию реальность – коридор осуществившихся на нашем уровне существования возможностей, линейная во времени цепочка актов бытия, нить, выделенная из бесконечной паутины возможностей наличной актуализованностью своего существования. Квантовый скачок эта концеп-

¹³ Цит. по. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: София, 2008. С. 112.

ция объясняет не только как «предъявление» наблюдателю одной из возможных копий, но и как перемещение сознания с одной «ветви» на другую. Отсюда делается предположение о том, что сознание до некоторой степени способно влиять на направление этого перемещения.

Необходимо также отметить, что мир потенциальных осуществлений нельзя представлять в виде склада ждущего своего часа заготовок. Каждая из них осуществляется в акте бытия *лишь в под действием направленного из эмпирического мира интенционального импульса-запроса, но никак не до того*: в когерентном мире нет темпоральных длительностей.

Идеи Боба, а также Уиллера-Фейнмана и др. об ИМ, где прошлое, настоящее и будущее находятся в свернутом, холономно-нераздельном состоянии, не являются чисто умозрительными. Они находят и экспериментальное подтверждение (разумеется, вне прямой и обязательной связи с квантовыми построениями Боба). Так, в работах Е.А. Козырева, исследования которого, по понятным причинам, недостаточно признаны и известны, приводятся экспериментальные данные наблюдений за физическими свойствами времени, полученные на основании исследования «мгновенной» передачи воздействия космического объекта на состояние вещества-датчика. Интерпретируя полученные результаты в терминах «геометрии Минковского», Козырев пишет: «Этот четырехмерный мир Минковского может представлять собой реальный мир, в котором живем мы, или может быть только абстрактным построением... С точки зрения реальности такого мира, все, что может произойти, уже существует в будущем и продолжает существовать в прошлом. Перемещаясь по оси времени, мы только сталкиваемся с событиями в своем настоящем¹⁴.

Но как в таком случае трактовать неоднородность когерентного мира, в какой измерительной плоскости разворачивается шкала потенциальности? Разумеется, ответы могут быть лишь гипотетическими.

Когда какая-либо из потенциальных возможностей осуществления получает свое воплощение, то сам этот акт — феномен, явление или даже просто эмпирически проявленная интенция определенного содержания — оказывает обратное воздействие на ИМ. В нем «провоцируется» новый пакет потенциальных возможностей, сложным и непрямым образом соответствующий его (акта существования) интенциональным и онтологическим характеристикам. Причем, набор потенциальных возможностей внутри пакета ограничен не чьей-то мистической волей, а спецификой самих воплощенных онтологических характеристик. Любая данность,

¹⁴ Козырев Н.А., Насонов В.В. О некоторых свойствах времени, обнаруженных астрономическими наблюдениями: Проявление космических факторов на Земле и звездах. М.:Л., 1980. С. 89.

способна в нашем мире жить и изменяться во времени в амплитуде возможностей, предопределенной имманентными характеристиками самой этой данности. Этим определяется не только простая временная устойчивость любых структур, но и структурный типологизм на всех уровнях существования.

В этом смысле любой акт бытия, протлевающий свое существование во времени, «вызывает» из мира имплицативного порядка свои ино-временные, следовательно, так или иначе измененные состояния. В такой формулировке процесс предстает как дискретная последовательность состояний. Но это неверно. Таковым он рисуется лишь в силу ограниченных возможностей нашего языка, отражающего дискретность актов сознания. В процессе «вытягивания», распаковывания актов бытия из ИМ нет пауз и зазоров, нет «начала» и «потом», нет «до» и «после». Интенционально-энергетический поток, образующий канал медиационной связи, протекает перманентно и параллельно в обоих направлениях. Поэтому то, что нами воспринимается как дискретные изменения, с точки зрения медиационного диалога между мирами, осуществляется в континуальном режиме. А возможность возникновения нашего сознания и языка, как и всей культуры в целом, с ее диалектикой дискретного и континуального, обусловлена ни чем иным, как нарушением, частичной разбалансировкой прямых и обратных связей между мирами в ходе описанного выше вертикального эволюционного перехода.

Идея «вызывания» себя самого из ИМ в каждый момент времени, как таковая, вовсе не содержит возможности каких-либо изменений и вызывает в воображении образ замкнутого круга. Однако ни о какой статике, чреватой креационистскими в духе Августина выводами, здесь речи не идет. Можно говорить, по крайней мере, о двух видах изменений. Первый — экспликация актов существования, укладываемая по своим параметрам в базовые характеристики наличной «вызывающей» структуры. Так происходит становление форм на основе структурных схем: для живых организмов — онтогенез, для культурного сознания — инкультурация, а также набор потенциальных «заготовок» для изменений, связанных с существованием в физической среде (для человеческого сознания — также и в среде культурно-смысловой). Изменения здесь совершаются в рамках флуктуаций, колебаний вокруг относительно устойчивых конфигуративных матриц. Если поток флуктуационных изменений приобретает направленный характер, то в этом случае можно говорить о внутреннем или имманентном развитии (или, наоборот, деградации) структуры. В целом этот тип изменений — мир повторений — рутинный фундамент Вселенной. Это конгломерат систем с их многочисленными уров-

ниями и подуровнями — от вращения планет и инстинктивного поведения живых организмов до традиционализма в культуре, который ведет диалог с ИМ по раз и навсегда установленным каналам и в относительно неизменных интенционально-энергийных режимах. К примеру, в человеческом организме соединяются несколько систем: неорганическая, биологическая и культурно-ментальная. Первые две ведут диалог с ИМ в рутинном режиме, практически незаметном для рефлектирующего сознания. Лишь культурно-ментальная система, причастная к незавершенной системе культуры и не определившая до конца режимы своего диалога с ИМ, способна этот диалог «проблематизировать».

Но есть и другой тип изменений. Интенциональные «обращения» к некоему сектору потенциальных осуществлений, соответствующих более «продвинутым» по линии глобальных эволюционных векторов характеристикам, можно понимать как движение на пути эволюционного (в отличие от имманентного) развития. Здесь обнаруживается принципиально иной режим медиации между мирами. Любой эмпирически наличной структуре в ИМ соответствует специфический *пакет потенциальных изменений*: своего рода «ограниченная бесконечность» вариаций, заключенная в конфигуративную «оболочку» имплицитивного паттерна. То есть в своих самоизменениях структура не способна «вызвать» из ИМ такие свои трансформации, которые нарушали бы ее базовую конфигурацию. Такой тип изменчивости выходит за пределы соответствующего имплицитивного пакета, и возможность его реализации исчезающе мала. Нам может показаться, что это не так, поскольку сознание нацелено на фиксацию именно данного типа изменений: развития или деструкции, приводящих к качественно новым состояниям. Но в общем масштабе медиации между мирами этот сектор действительно количественно крайне мал.

Направленность изменений способна — тем или иным образом — подвести структуру к границам ее паттерна и взломать исходную конфигурацию. Причины этого могут быть весьма разнообразны. Но в значительном числе случаев это происходит, когда имманентное развитие структуры вливается в мейнстрим ГЭВ (причем, не обязательно вертикального направления). Интенциональные потоки ГЭВ расшатывают конфигуративные конструкции «слабеющих паттернов», приближающихся к исчерпанию основных, если так можно выразиться, версий своего воплощения и путем скачков расширяют границы пакетов их потенциальных изменений. Отсюда, как уже отмечалось, становится понятен и феномен эволюционного типологизма: новые формы рождаются целиком и сразу, поскольку они уже предсуществовали в ИМ и лишь «ждали момента», когда из эмпирического мира поступил соответствующий «за-

прос». (Еще раз напомню, что все это метафоры: в ИМ нет времени и потому нет и не может быть никаких заранее заготовленных форм).

Иными словами, процесс изменения режима медиации между мирами можно представить следующим образом. Между наличной эмпирической структурой (или отдельным актом существования) и соответствующим ему имплицативным пакетом существуют каналы стандартных интенционально-энергетических связей. Изменения структуры, не затрагивающие ее конфигуративной основы, осуществляются в рамках распаковывания потенциальных возможностей внутри исходного имплицативного пакета. То есть структура под действием внутренних автоморфических импульсов или в силу воздействия окружения «вызывает» и распаковывает из имплицативного пакета свои измененные во времени и пространстве состояния, оставаясь при этом сама собой. Этот тип изменений в своем развитии приводит к ветвлению подпакетов в пределах исходного имплицативного пакета.

Но в случае, когда потенциал изменений в рамках исходной конфигурации исчерпывается, происходит одно из двух. Либо структура разрушается и гибнет, а ее материал «идет в распыл», либо происходит ее качественное конфигуративное преобразование, и тогда каналы медиационной связи переориентируются уже на другие имплицативные пакеты, которые и возникают вследствие новых интенциональных импульсов-запросов из эмпирического мира. Вопрос о том, при каких условиях наступает предел «внутрипакетных» изменений, т.е. вопрос о первопричинах качественных изменений, требует отдельного, более подробного разговора, который сейчас уведет нас слишком далеко от основной темы.

Итак, диалог с ИМ являет в физическом мире два основных типа изменений:

— имманентные, когда пакеты потенциальных осуществлений по мере усложнения структуры, ветвясь на множество подпакетов, подводят (или не подводят) структуру к границам ее конфигуративного паттерна;

— эволюционные, когда индуцируемые извне интенциональные «запросы» в ИМ выходят за пределы исходной конфигурации и вызывают к существованию принципиально новый феномен.

Любого рода деструктивные и инволюционные изменения относятся, разумеется, к первому типу.

Оговорюсь еще раз: используя в разговоре о мире имплицативного порядка слова «новый», «прежний», «ограниченный» и т.п., я не забываю о том, что они, как и многие другие, неприменимы к миру, где отсутствует пространственно-временное измерение. Речь здесь идет всего лишь о

проекциях реалий ИМ в наше сознание, которые выражены доступными нам языковыми средствами. Никаких новых в привычном для нас смысле пакетов, разумеется, не возникает. Но то, что в нашем мире выглядит как градация пространственной или временной последовательности, в мире свернутого порядка предстает градацией шкалы потенциальности. Чем сильнее интенциональный призыв из нашего мира, тем выше потенциальность воплощения «призыва» в какой-либо его модификации. Причем инерционный «запрос» на устойчивое воспроизведение всегда выступает доминирующим фоном, сквозь который сравнительно слабо пробивается «голос», взыскующий качественных структурных изменений.

Но, повторю еще раз: содержание изменений диктуется интенционально-онтологическим статусом «призывающего» и все, что выходит за его пределы, — всего лишь диалог слабых импульсов, едва уловимых в самых глубоких и удаленных от фронта экспликации слоях ИМ. Говоря гегелевским языком — не все сущее в когерентном мире является действительным. Потому и произвол человеческого мышления не способен вызвать к жизни плоды своих произвольных фантазий. Действительное намерение, даже будучи «адресовано» слабой потенциальности когерентного мира (в формулировке Бома — тонким слоям имплицитивного порядка), способно в той или форме эксплицировать соответствующий акт существования. Но произвольные фантазии адресуются к тому спектру «сущего» в имплицитивном порядке, вероятность экспликации которого в эмпирическом мире ничтожна до неразличимости.

Впрочем, вероятность воплощения в эмпирическом мире того или иного имплицитивного паттерна определяется не одной лишь силой интенционального импульса. Вновь прибегая к пространственной метафоре, представим, что в ИМ существует некая шкала приближения к границе распаковки. При этом имплицитивные паттерны ведут между собой интенциональный диалог: своего рода борьбу за возможность эмпирического воплощения. Не случайно в КМ даже появился термин «квантовый дарвинизм» (В. Зурек): между квантовыми состояниями идет конкуренция за то, чтобы оказаться декогерированными и получить возможность на существование в виде стабильных эмпирически воплощенных и проявленных образований. В результате этого «естественного отбора» выживают те структуры — суть имплицитивные паттерны, которые обладают соответствующим интенционально-энергетическим потенциалом. Интенсивность энергообмена со средой здесь не является единственным фактором. А уж об «обмене информацией», как это нередко представляют пишущие о данном явлении авторы, вообще, как мне представляется, говорить некорректно.

У самого фронта распаковки «толпятся» имплицитные паттерны, вероятность воплощения которых максимально высока. Причины такой высокой вероятности могут быть связаны с такими обстоятельствами, как наличие в психосфере, т.е. уже за фронтом распаковки энергетически сильных и устойчивых энграмм, неких промежуточных полупроявленных онтологических состояний, подготавливающих почву для экспликации. То есть устойчивые и энергетически сильные структуры вызывают из когерентного мира свои экспликаты с наибольшей вероятностью. К этому типу экспликаций относятся все рутинные и легко предсказуемые процессы. Проще говоря, психосфера хранит слепки (энграммы) всех когда-либо распакованных (декогерированных) состояний.

В КМ это явление описывается понятием *матрица плотности*¹⁵. Эта матрица может быть представлена в виде двух составляющих. Первая соответствует максимально смешанному состоянию, отражая потенциальный спектр состояний, в которых система способна себя реализовать. Вторая – динамическая: в ней матрица актуализует возможные для себя состояния. Прибегая к привычным эпистемологическим построениям, можно сказать, что первая составляющая несет в себе «идею» всех возможных для системы состояний, тогда как вторая «занята» их актуализацией в ходе взаимодействия. Здесь, конечно же, напрашивается целый ряд важных вопросов и не менее важных выводов, но я не имею возможности специально погружаться в эту тему.

И эти состояния – первые кандидаты на вторичное воплощение хотя бы и в измененном виде. Причем и в этом слое не может не быть своей внутренней конкуренции.

Следующий по мере удаления от фронта распаковки «слой имплицативных пакетов» не имеет сильно выраженных энграмм. Вернее, они могут быть, но сила их интенционального притяжения сравнительно невелика. В этом случае высокая вероятность воплощения может обеспечивается исключительно силой и направленностью интенционального импульса или случайной, или намеренной скоординированностью нескольких (или множества) интенциональных импульсов (поток). Это тот класс ситуаций, метафорой которых является вера, сдвигающая горы. Здесь причина, распаковывающая имплицативные пакеты, – эффект интенциональной кумуляции.

Далее располагаются не поддающиеся дифференциации тонкие слои ИМ. Вероятность экспликации имплицативных пакетов из этих слоев крайне мала и по мере удаления от фронта распаковки стремится к нулю.

¹⁵ Блум К. Теория матрицы плотности и ее приложения. М.: Мир, 1983.

Она «теплится» за счет интенциональной энергии человеческой субъективности, ибо лишь человеческая ментальность способна на произвол мышления. Впрочем, бывают случаи, когда произвольные, на первый взгляд, фантазии, оказываются не информационным шумом психосферы, а чем-то вполне действительным. Тогда происходит то, что по законам «здорового смысла» происходить не может. Сознание, как правило, сторонится таких феноменов, ибо за ними проступает страшный образ хаоса. Впрочем, культурное сознание и здесь находит адаптирующие механизмы, но о них следует говорить отдельно.

Я сознательно не заостряю внимание на проблеме границ ИМ - как внутренних, так и внешних. Вообще, дифференциация и проведение границ – любимое упражнение аналитического интеллекта. С каким неистовым увлечением средневековые богословы выстраивали иерархические лестницы сил и сущностей запредельного мира! Не отставали от них и восточные мудрецы. Однако надо признать, что ничего хоть скольконибудь обоснованного о внутренних границах слоев мы сказать не можем, как и не можем забывать о метафоричности всех его описаний. Ведь если дать метафоре жить собственной жизнью, то хоть как-то ухватить стоящее за ней явление уж точно не удастся.

В нашем случае вопрос о границах осложняется еще и тем, что, как уже говорилось, ни о каком непосредственном восприятии ИМ речи идти не может. Сознание имеет дело лишь с психосферой – экраном, на который синхронно проецируются все слои ИМ. Поэтому связь множественности и мультивариативности квантово-импликативного мира с миром его декогерированных, эмпирически воплощенных проекций оказывается неоднозначной.

Микромир – область, где взаимопереходы когерентного (импликативного) и каузального (эмпирического) миров обнаруживают себя наиболее очевидным образом, хотя очевидность эта, разумеется, не такова, как в привычном эмпирическом мире. А то, что события микромира оказываются зависимы от сознания (только ли сознания?) наблюдателя (участника эксперимента), свидетельствует о том, что любого рода феномены, связанные с означенным сопряжением и данные нам в опыте, – суть явления психосферы. Представления о едином квантовом состоянии как форме нелокальной связи, при всех своих сложностях и парадоксах, являются научно фундированными. Но когда представления о нелокальных связях отрываются от идеи единого квантового состояния и переносятся на другие системные уровни реальности, они, будучи лишены доказательной базы, неизменно теряют валидность и зачастую превращаются в произвольные и необязательные рассуждения.

В этой связи вновь возникает вопрос: не растворяется ли всеобщая эмпатическая связь в прогрессии отпадений? Не «загоняет» ли вектор усложнения и автономизации форм «реликтовую» холономность сущего на квантовый уровень, разрушая ее на уровнях более высоких? Ответ чисто постулативный — нет. Бесчисленное количество косвенных данных указывает на то, что холономность — фундаментальный и неустранимый ни при каких эволюционных обстоятельствах модус всего сущего, поскольку когерентные суперпозиции не исчезают с процессом декогеренции. И фактор холономности диалектически противостоит фактору автономизации и онтологического взаимообособления форм, структур и систем. Напомню, что процесс этот также начинается на квантовом уровне с возможности «внутреннего» разделения замкнутой системы на подсистемы, т.е. с перехода из несепарабельного состояния в сепарабельное.

Есть все основания предположить, что холономная связь «транслируется наверх», пронизывая структурные уровни реальности и обеспечивая «присутствие» ИМ и продуцируемую им когеренцию во всех срезах бытия. Проводником этой трансляции выступают интенциональные потоки, импульсы, волны, которые в виде ритмических регуляций служат незримой «несущей конструкцией» любого рода онтологий. И если, согласно квантовым представлениям, вещество предстает сгустком поля, фокусом интенциональных потоков, то всякая онтологическая данность, обратным образом, выступает не только фокусом, но и источником, генератором всепроникающих интенциональных излучений и импульсов. Эти интенциональные излучения и ритмически организованные импульсы есть своего рода «распыленная» онтология, нелокальная «эманация», посредством которой относительно автономный «сгусток» распространяет свое бытие за пределы своей определенной эмпирической формы. В этом смысле самость как таковая, в той или иной степени присущая всему сущему, обуславливается возможностью сгустков поля всякий раз на определенный лад изменять сфокусированные в нем интенциональные частоты и ритмы и затем испускать эти измененные волны вовне. Квантовая механика подтверждает эту модель открытием так называемого квантового гало (quantum halo) — своеобразного квантового ореола, окружающего любую локальную совокупность частиц. Примечательно, что размеры этого окружения выходят далеко за пределы «фокус-объекта» и соответствующих ему полей.

Феноменологические же проявления этих бесчисленных, протянутых вовне интенциональных нитей и ритмических резонанций актуализуются лишь там, где они «вызываются» и вводятся в присутствие релевантными импульсами и интенциональными «призывами» из нашего

«простого» физического мира. Таким образом, любая форма (структура, система) независимо от уровня своей сложности пребывает в двух модулях: условно говоря, концентрированном (онтологически определенном) и «распыленном», не связанном пространственно-временной локализацией. К примеру, любой бытовой предмет, хотя бы карандаш, является нам в сумме своих эмпирических свойств и, в терминах КМ, дан как классический объект. Однако незримое для нас состояние поляризации атомов удерживает некоторый локус полей карандаша в нелокальном, запутанном состоянии. И, стало быть, ручка пребывает одновременно в двух модулях реальности: как локальный эмпирический объект и как объект нелокальный, пребывающий везде и нигде.

В связи с вышеизложенной концепцией взаимосвязи трансцендентного (импликативного) и эмпирического миров хочу отметить, что авторы, берущие за основу своих философских построений общетеоретические выводы квантовой механики, характеризуя действующую причину изменений, как правило, прибегают к употребляемому физиками понятию наблюдения. Наблюдение-де схлопывает волновой пакет и т.п. В этих, отчасти близких к нашим, рассуждениях есть, однако, два принципиально неприемлемых момента.

Первый: не наблюдение как таковое схлопывает волновые пакеты и далее по цепочке онтологических уровней восходит к воздействию на макрообъекты эмпирического мира. Наблюдение — не более чем внешний план выражения определенным образом устремленной энергийной интенции, предшествующей и перцепции, и апперцепции, и, тем более, образованию каких-либо значений в сфере сознания. Сознание — не метафизическая субстанция, она — продукт эволюции самости. И «досознательного» уровня самости более чем достаточно, чтобы осуществлять декодирующие взаимодействия. И физические объекты, явно ничем не обязанные человеческому сознанию, существуют в эмпирическом модуле лишь благодаря этим взаимодействиям. Взаимодействия эти совершенно некорректно описывать в категориях сознания или создавать иллюзию объяснения с помощью «информационной» лексики, т.е. говорить о «записи информации», «информационном обмене», «информационных взаимодействиях» и т.п. Там, где нет информационного кода, т.е. правил кодировки и декодировки, а также источника, носителя и адресата этого кода, не тождественных самому коду, там понятие информации может применяться лишь как метафора. Но метафора эта чаще уводит от понимания сути процесса, чем проясняет эту суть. Так, по меньшей мере, в неживом мире говорить о каких-то «информационных процессах» весьма проблематично.

Разумеется, человеческое сознание тоже участвует в формировании реальности. Но сектор этого участия в масштабе Вселенной не столь значителен. Если мы все перестанем «наблюдать» Солнце, оно не «рекогеррируется» в чисто квантовый объект, ибо оно имеет такое количество разнообразных связей и взаимодействий с окружением, что в помощи человеческого сознания не нуждается. То есть, независимо ни от каких позиций сознания, космические объекты, не обладающие сознанием, но достаточно самостные, чтобы оказывать воздействие на Солнце, уже давно осуществили его декогеренцию как исходной нелокальной квантовой структуры. Здесь, в мире мощных энергий взаимодействия и низких уровней квантовой запутанности, и рождается то, что принято называть «объективной реальностью». Это выражение заключено в кавычки, потому что каждый из объектов «видит» в другом лишь те компоненты волновой функции, взаимодействие с которыми было достаточным для определения их состояния, то есть для перевода этих компонент из суперпозиции в смесь.

В процессе декогеренции нелокальных состояний участвует любое образование, способное излучать интенциональный импульс. Но возможности этих образований существенно разнятся. И, оценивая их, мы не должны путать такие параметры, как энергия взаимодействия и уровень самости. Так, в мире геохимических процессов действуют мощные энергии взаимодействия, но может ли, к примеру, кусок минерала столь же продуктивно и целенаправленно разделять компоненты суперпозиции окружающего его мира или фиксировать состояния и опыт взаимодействия с локальными объектами, как это делает способное к ретроспекции человеческое сознание? Разумеется, нет. Но даже и простой бульжник все же выделяет какие-то элементы из квантовых суперпозиций окружения, и его возможности здесь простираются настолько, насколько ему это позволяет эволюционный уровень самости, достигнутый геохимической системой.

Иное дело — мир культуры. Здесь роль сознания в формировании консенсусной реальности, в которой самоопределяется человек, гораздо более существенна, и об этом еще пойдет речь далее.

Второй момент связан с решительным неприятием антропного принципа. Всякий раз, наталкиваясь на лукавые, избыточные натяжки и передергивания построения, сводящиеся к тому, что «Для создания вселенной необходимы наблюдатели» и что «Космос создавался ради нас», я невольно вспоминаю «пикейные жилеты» из «Золотого теленка» — убогих умствующих старичков, ведущих местечковые пересуды о коллизиях мировой политики, которые неизменно сводятся к тому, что Черноморск должны непременно объявить вольным городом. Авторы, придерживающиеся антропного принципа, как правило, либо попадают под гипноз

собственных эпистемологических парадигм, которые всегда грешат «человеческим, слишком человеческим», либо тяготеют к плохо скрываемой (или вовсе не скрываемой) религиозности иудео-христианского или восточно-мистического толка. А построение, согласно которому волновая функция полностью «схлопывается» только в сознании и потому Вселенной как замкнутой системе, «приготовленной для наблюдения», необходимо некое внешнее суперсознание, выглядит неубедительной натяжкой. И дело не в том, что никто пока не доказал, что Вселенная является замкнутой системой, а в мании величия, не позволяющей смириться со скромной ролью одного из множества ее эволюционирующих локусов.

Представляется, что диалог с ИМ на уровне систем, эволюционно предшествующих АС, велся до возникновения всего того, что можно связать с понятиями ума, разума, сознания и т.п. — т.е. человеческого и явно слишком человеческого. Ведется этот диалог и теперь, вне прямой зависимости от любого рода «наблюдений»; ИМ в целом совершенно безразличен к человеку, ибо его существование никоим образом от человека не зависит. Другое дело, что культура как мир человеческой ментальности и соответствующих практик, взаимодействуя с ИМ, меняет конфигурацию паттернов в определенных его «слоях» — пакетах вероятных актов существования. Но отсюда до антропного принципа — огромная дистанция.

Осмелюсь высказать еще одну безумную идею. Коль скоро процесс распаковывания потенциальных актов существования из ИМ предстает довольно сложным процессом, то прояснение вопросов онтологии на бытовой лад с помощью простой дихотомии: существует — не существует, оказывается совершенно не адекватным. Психосферные явления являют собой шкалы промежуточных онтологических состояний — особых форм существования.

Иными словами, распакованные из ИМ паттерны могут являть в психосфере разные уровни объективации. К примеру, вызванные силой коллективных представлений мифологические образы могут чувственно восприниматься и переживаться людьми с соответствующими ментальными настройками как абсолютно реальные и совершенно не восприниматься другими людьми. В этой связи можно говорить о феномене локальной объективации психосферных феноменов. Самые слабые его проявления вызываются к жизни индивидуальной суггестией и индуцированными состояниями. Самые сильные граничат с физической объективацией и полноценным эмпирическим опредмечиванием того или иного имплицитивного паттерна. Не побоюсь предположить, что в ряде случаев эта граница преодолевается, и психосферное явление нелегитимным образом обретает физическое бытие.

Иными словами, между потенциальной реальностью и реальностью объективной (реальностью-для-всех) существует еще и промежуточная шкала онтологических состояний — реальность-для-себя. Это не галлюцинации и не произвольные фантазии, но вполне объективированная реальность, перцепция которой обусловлена, однако, определенными ментальными настройками и некоторыми другими обстоятельствами: внешними условиями, смысловым контекстом ситуации, общим «ландшафтом» психической среды и проч. Когда речь идет о слабо выраженных психосферных феноменах, достаточно всего лишь изначальной предубежденности, чтобы увидеть либо не увидеть его проявления. При этом у энтузиастов не хватает аргументов, чтобы доказать их очевидную объективность, а скептикам не достает оснований списать это все на субъективные фантазии.

Можно сказать, что образы коллективных и массовых мифов и представлений в буквальном смысле живут в психосфере, занимая промежуточное положение между потенциальным и наличным бытием и в разной степени относясь к тому и другому. И чем сильнее выражены адресованные им интенционально-энергийные обращения из эмпирического мира, тем больше их онтологический статус смещается в сторону бытия наличного. При этом важно учитывать, что бытие психосферных феноменов, в сколь натуралистической форме они бы ни представляли в человеческой перцепции, не подчиняется эмпирическим пространственно-временным законам.

Психосферные явления получают свое идеально-образное, локально-объективированное и даже в полной мере объективированное воплощение только в ситуации интенционального запроса (обращения), когда исключительно сильная коллективная индукция конденсирует, аккумулирует его специфическую интенциональную энергию из распыленного в психосфере состояния (случается это очень редко). Интенциональный импульс, посланный из эмпирического мира, несет в себе субстрат той онтологии (таковости), которая вторичным образом распаковывается из ИМ и, облекаясь в уже готовую, отчасти знакомую сознанию форму-матрицу, является ему в виде объективного феномена. Если эти рассуждения хотя бы отчасти верны, то вывод напрашивается сам собой: между субъективными идеальными представлениями и объективной физической реальностью лежит область субъективной реальности, где субъектом может выступать не только и даже не столько единичный субъект, сколько субъект коллективный и — шире — культурно-исторический.

Все это лишний раз говорит о бесплодности оперирования образом абстрактного философского человека без учета изменяющихся в истории его ментальных типов. Но это — отдельная тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблеев С.Р.* Практические исследования психической энергии и энергетических центров человека: некоторые результаты программы «Сириус» // Сознание и физическая реальность. 2001. Т. 6. № 2. С. 51-61.
2. *Блум К.* Теория матрицы плотности и ее приложения. М.: Мир, 1983.
3. *Дульнев Г.Н.* Регистрация явлений психокинеза (телекинеза): оптические, электрические и акустические методы // Сознание и физическая реальность. 1998. Т.3. № 1. С. 58-67.
4. *Дульнев Г.Н.* Регистрация явлений психокинеза (телекинеза) // Сознание и физическая реальность. 1998. Т. 3. № 3. С. 49-57.
5. *Дульнев Г.Н.* Регистрация явлений телепатии // Сознание и физическая реальность. 1998. Т. 3. № 4. С. 71-76.
6. *Козырев Н.А., Насонов В.В.* О некоторых свойствах времени, обнаруженных астрономическими наблюдениями: Проявление космических факторов на Земле и звездах. М.:Л., 1980.
7. *Любимов И.Н., Силин А.А., Гордеев С.А.* Экспериментальное обнаружение экстрасенсорного (телепатического) сигнала // Сознание и физическая реальность. 2001. Т. 6. № 1. С. 62–64.
8. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: София, 2008.
9. *Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного. СПб., 2007.
10. *Фок В.А.* Квантовая физика и строение материи. Л., 1965.
11. *Нирukas P.* I Have Many Lives. Oxford, 1979.
12. *Krebs J.R. Davies N. B.* Behavioral Ecology: An Evolutionary Approach. Oxford, 1986.
13. *Meck G. W.* Healing and the Healing Process. Madras. 1977.
14. *Pribram K.* The Holographic Hypothesis of Brain Functioning// S. Grof (ed). Ancient Wisdom Science. State University of New York Press, 1984.
15. *Pribram K.* Behaviorism, Phenomenology and Holism // The Metaphors of Consciousness / P.S. Valle, R. von Eckartsberg (eds). Plenum Press. 1981.

Ю.М. РЕЗНИК

БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК РЕАЛЬНОСТЬ: УРОВНИ ПОСТИЖЕНИЯ

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме альтернативности как основания выбора вариантов жизненного пути личности. Альтернативность автор рассматривает как «рефлексивную комплексность Ego и Alter», которая проявляется как внутри личности (субъективный аспект), так и вовне – в отношениях с другими людьми (интерсубъективный аспект) и миром в целом (объективный аспект). С этой точки зрения личность по-*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.
